

М а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ДЕНЬ ЛУНЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 День Луны / Чингиз Абдуллаев. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Абдулла-
ев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-699-93140-8

Группа террористов похитила образцы новейшего бактериологического оружия. Бандиты грозятся провести самую масштабную террористическую атаку в истории человечества. Но они готовы отказаться от этой идеи, если им выплатят ни много ни мало... полмиллиарда долларов. Военные не собираются сотрудничать с террористами, они начинают масштабную операцию по поиску и обезвреживанию преступной группы. Однако найти террористов оказывается не так-то просто. Дело в том, что бандиты действуют по указанию «оборотня» из Министерства обороны и тщательно продумывают каждый свой шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-93140-8

ООО «Издательство «Э», 2017

Путь же беззаконных — как тьма; они не знают, обо что споткнутся.

Притчи. 4:19

Лунатизм — болезненное состояние, выражающееся в бессознательных, внешне упорядоченных, подчас нелепых или опасных действиях, совершаемых во сне, которые не запоминаются.

Часть 1

ДЕНЬ ЛУНЫ. УТРО

Москва. 05 часов 39 минут

Автомобиль плавно въехал во двор. Там уже находилось несколько машин, и стоявшие около них люди нетерпеливо поглядывали на часы.

— Проклятые ублюдки, — гневно сказал один из стоявших, высокий мужчина, державший в руках автомат.

— Мы задержались, — виновато сказал один из приехавших, — на переезде у светофора.

— Нужно было выехать раньше, — сказал другой, уже стоявший у своей машины. У него было странное неподвижное лицо, и приехавшие боялись даже смотреть в его сторону. Трое вышедших из прибывшего последним автомобиля молча, с затаенным страхом ждали его решения. Наступила тишина. Столпившиеся во дворе люди также ждали решения этого человека. Он резко махнул рукой. — Форму взять не забыли?

— Нет.

— Ладно, поехали, потом разберемся и с вами, и с Лосем. Приехавшие облегченно вздохнули, заулыбались, рассяживаясь по своим автомобилям.

Перед тем как сесть в свою старенькую помятую «шестерку», руководитель этой группы обратился к остающимся на даче двоим молодым людям:

— Константин, постарайся подъехать вовремя — там все рассчитано по секундам. И самое главное — вовремя нажать на кнопку. Рассчитай все так, чтобы это было сделано с максимальным эффектом. Ты меня понимаешь? С максимальным эффектом.

— Конечно. Я все понимаю. Но как быть с группой Карима? Они ведь все видели меня в лицо. И знают нашу дачу.

— Ничего, — сказал его странный собеседник, не меняясь в лице, — они ничего никому не расскажут. Если все закончится нормально, они сюда уже не вернуться.

В его словах было нечто такое, что заставило Константина не задавать больше вопросов. Он понял, что все давно решено. Поэтому он только кивнул на прощание.

Усевшись в свой автомобиль, он взглянул на лежавший на соседнем сиденье пульт управления и невольно пожегился, представив момент, когда ему придется нажимать на эту кнопку.

Первые два автомобиля выехали вместе. Это были «Жигули» шестой модели и «Мицубиси Галант». Остальные автомобили, в том числе и два микроавтобуса, поехали в другую сторону. Если бы кто-нибудь мог заглянуть в этот момент внутрь машин, то, возможно, очень бы удивился. Гранатометы, пулеметы, автоматы были свалены прямо на пол, а сидевшие в них люди меньше всего были похожи на собирающихся в этот воскресный день на пикник обычных дачников. Каждый из них знал, что именно им предстоит через час, но никто не хотел думать о худшем. Многие даже не подозревали, что это будет последний час их жизни.

Москва. 6 часов 02 минуты

Они спускались все вместе. Впереди шел подполковник Ваганов. Даже он, много раз ходивший по этому тяжкому пути, испытывал некоторое волнение, понимая, как опасно вообще появляться в этом бетонном бункере. За ним шли еще двое офицеров. Все они, включая подполковника, были сотрудниками семнадцатого управления. Как и полагалось, сопровождающие шли, чуть отставая, словно уступая сомнительную честь быть первым в этом коридоре подполковнику.

Оба офицера были почти ровесниками, им было по тридцать пять лет. Майор Сизов и капитан Буркалов. Здесь не бывало пожилых офицеров, отбывающих «свой номер» перед уходом на пенсию. Такие просто не смогли бы выдержать той чудовищной психологической нагрузки, которой подвергался каждый из офицеров, входивших в это бетонное хранилище.

Они находились глубоко под землей. Сюда не долетали посторонние звуки, не было никаких посторонних шумов. Только гулкие шаги трех офицеров раздавались в пустынных коридорах этого невообразимого подземного царства. Построенное на большой глубине в толще земли, хранилище было сделано с таким расчетом, что могло выдержать прямое попадание атомной бомбы. Или стихийное бедствие почти катастрофического характера, которого никогда не бывало в этом отдаленном районе Москвы.

Но даже атомная бомба, даже землетрясение или другой катаклизм, вызванный силами природы, которые могли тут случиться, не были столь ужасны и опасны по последствиям, чем те, что могли произойти в случае разрушения этого хранилища. Здесь была собрана так называемая «коллекция» бактериологического оружия бывшей огромной империи. Здесь хранились образцы тысяч и миллионов смертоносных вирусов, о многих из которых человечество давно забыло. И которые могли в случае обретения

свободы принести человечеству неисчислимые страдания, словно сотворив сам образчик человеческого ада на Земле.

Собранные в те недавние годы, когда человечество было разделено на враждующие стороны и каждая из сторон стремилась к обладанию абсолютным оружием, они были последним шансом каждой из сторон, последним резервом, который можно было применить в случае поражения. Этот резерв имел не просто невероятный разрушительный потенциал. Вырвавшись наружу, как джинн из бутылки, он мог уничтожить человечество, не разбирая национальных границ, идеологических и конфессиональных различий, цвета кожи. Это было оружие абсолютной мощи, применить которое можно было только в случае абсолютного поражения. И только тогда, когда шансов на спасение не оставалось.

Неизвестно кем и когда названное «национальной коллекцией», словно в насмешку над собранными здесь образчиками смерти, хранилище вирусов было одним из самых охраняемых и самых секретных объектов в новой России. И последним шансом нанести страшный удар неприятелю даже в случае полного поражения. И хотя в России было много настоящих коллекций, включая Эрмитаж и Третьяковскую галерею, которыми действительно можно было гордиться, биологи, проводившие здесь разработки и опыты, по-своему гордились этим хранилищем.

Но в последние годы «коллекция» начала видоизменяться. Огромные запасы разносчиков чудовищных болезней начали уничтожаться. Сказывалось и изменение общей политической обстановки, и отсутствие прямой угрозы стране, и даже резкое сокращение финансирования подобных опытов, когда само понятие «биологическое оружие» постепенно забывалось, а почти все страны уже подписали и присоединились к конвенции, запрещающей применение подобного оружия.

И сегодня по приказу командования нужно было вывезти один из контейнеров на специальную базу, находив-

шуюся в приволжских степях, где бактерии уничтожались жесткими рентгеновскими лучами. А заодно и проверялись на выживание под подобными смертоносными для всего живого лучами.

Подполковник посмотрел на часы. Они вошли в коридор ровно две минуты назад. Дежурный фиксировал время прохождения каждого из посетителей. Здесь существовала не только абсолютная охрана, многократно дублирующая людей и технику. Здесь был непроходимый полигон для любых террористов, которые захотели бы рискнуть и появиться в этом хранилище. Даже хранилище Государственного банка страны, где хранился золотой запас, охранялось не так тщательно и не с такими мерами предосторожности. Любой входивший сюда понимал, что здесь другой мир. Мир со своими сложностями и своими опасностями. И поэтому каждый вошедший безукоризненно выполнял все строгие правила.

Трое офицеров, идущих сейчас по коридору, напоминали трех астронавтов из фантастического фильма, случайно оказавшихся в условиях, близких к земным. Здесь подгонялись не только их тяжелые костюмы, похожие на скафандры космонавтов. Каждый из офицеров проходил специальную инструкцию на выживание в условиях внезапной аварии в хранилище. И каждый знал, что в случае малейшей опасности должен быть готов погибнуть вместе с другими, но перекрыть доступ заключенным в контейнеры и стеклянные колбы «пленникам» к выходу из хранилища.

Офицеры двигались к намеченной цели. Они еще не знали, что через несколько минут одного из них уже не будет в живых, а двое остальных...

Москва. 6 часов 06 минут

Он посмотрел на часы. До конца смены еще более двух часов. Стоять здесь, при въезде в город, на одной из основных магистралей, ведущих в столицу, было и плохо, и хо-

рошо. Плохо потому, что по этой трассе вечно проезжали автомобили с высшими чиновниками страны. И любой из них мог заметить какую-нибудь неточность или небрежность в работе сотрудников ГАИ. Говорили, что и сам министр внутренних дел иногда проезжает на работу именно по этой трассе, почему-то предпочитая делать солидный крюк с дачи, словно проверяя, как работают вверенные ему службы по всей линии дороги.

Всегда существовала вероятность нарваться на какого-нибудь идиота, который мог оказаться либо сотрудником президентского аппарата, либо чиновником самого Министерства внутренних дел. И тогда сотрудник ГАИ, допустивший оплошность, в лучшем случае никогда больше не появлялся на этой трассе. А в худшем — просто вылетал из органов МВД.

Но, с другой стороны, это была самая «хлебная трасса» в радиусе всего района, на которую мечтал попасть любой из сотрудников ГАИ. Подвыпившие бизнесмены на своих «Мерседесах», загулявшие дачники, просто бандиты на тяжелых джипах — все эти категории нарушителей платили много и охотно. При нормальном везении с трассы за смену можно было собрать до полутора-двух тысяч долларов. Половина этой суммы, конечно, шла начальству, но даже оставшаяся половина с лихвой покрывала все неудобства службы и превышала месячную зарплату офицеров ГАИ. Именно поэтому среди сотрудников была столь опасная конкуренция на это место, и любой из офицеров, кто начал приносить начальству меньше денег, чем обычно собирали его предшественники, рисковал оказаться вне трассы, на кабинетной работе в ГАИ. На «чистом» окладе, которого не хватило бы даже на один приличный обед для компании в хорошем ресторане.

Главное было — не ошибаться. Не нарваться на занудливого формалиста или злопамятного чиновника. К таким старший лейтенант Звягинцев был беспощаден. Он, работавший на трассе уже второй год, словно чувствовал по-

добных типов и строго пресекал любые разговоры о возможности смягчения наказания. Кроме этих редко встречавшихся одиночек, были еще и крупные мафиози, которые вместо штрафа вполне могли полоснуть из автомобиля автоматной очередью. С такими Звягинцев тоже не связывался. Он четко просчитывал стоимость автомобиля и сразу вычислял, стоит ли задерживать такую машину. Если «Мерседес» или «Шевроле» тянул на добрую сотню тысяч долларов, он старался не рисковать. Заплативший за свой автомобиль такие бешеные деньги вполне мог нарушать правила дорожного движения. В этом старший лейтенант был уверен.

Иногда могло повезти и с подобным автомобилем. Но это была уже удача. Звягинцев помнил, как три месяца назад он задержал в роскошном «БМВ» вдребезги пьяного артиста эстрады, спешившего на дачу к своей знакомой. И содрал тогда с того четыреста долларов, прежде чем актер уехал к своей подруге. Артист был известным, его часто показывали по телевизору, и Звягинцев, всегда глядя на него, испытывал легкое чувство удовлетворения и непонятной зависти. Артист расстался с деньгами легко, даже не поняв, почему и зачем он их отдает. Таких компанийских мужиков Звягинцев любил и уважал.

Теперь, сидя в автомобиле, он с понятным нетерпением глядел на трассу, жалея, что осталось так мало времени. В такие предрассветные часы редко кто выезжает на трассу. Лучшее время настоящего «улова» — с двух до пяти часов утра. Потом пик резко спадает, а под утро ездят только чиновники, спешащие на работу, и верные мужья, опасющиеся гнева своих подруг.

Рядом дремал капитан Парамонов. Он недавно был переведен из центрального аппарата ГАИ, когда новый министр решил укрепить кадры на местах, сокращая центральные аппараты. Министр даже не подозревал, что на каждом перемещении, на каждом сокращении, на каждом передвижении кадровики будут загребать огромные сум-

мы денег, продавая «место под солнцем» и учитывая степень «навара» в той или иной местности.

Ни Звягинцев, ни Парамонов не были плохими офицерами. Они не были и хапугами-вымогателями, стремящимися во что бы то ни стало вытянуть деньги, забывая о своей совести и долге. Тот же Звягинцев в прошлом году сумел задержать опасного преступника, когда тот пытался уйти на своей «девятке» от преследования. И неоднократно отмечался руководством ГАИ города за совсем не плохую службу. Просто служба их была как бы разделена на две составляющие. В первой — ночные бдения на дорогах, мужество, верность офицерскому долгу. Во второй — вынужденное вымогательство, невозможность достойно прожить даже на очень большую по нынешним временам офицерскую зарплату в... сто с лишним долларов. И строго установленные нормы платы своим руководителям снизу доверху, при которых рискнувший отказаться офицер мог вполне оказаться без работы или получить случайную пулю в немотивированной перестрелке.

Звягинцев знал все эти правила и старался держаться в их рамках, не очень свирепствуя на дорогах, но и не давая возможности начальству усомниться в его действительно деловых способностях перспективного офицера ГАИ. Он снова покосился на спящего Парамонова. Подполковник твердо обещал, что уже осенью Звягинцев может рассчитывать на четвертую звездочку.

Впереди на трассе показалась машина. Звягинцев насторожился. Они стояли на трассе в самом неудобном для проходящих машин месте, где их не могли заметить. За рекламным щитом. Но с правой стороны здесь была дорога. И любой автомобиль, следующий по трассе, обязан был чуть притормозить, пропуская возможную помеху. Конечно, никто этого, как правило, не делал, что давало возможность инспекторам ГАИ остановить формально нарушившего правила движения автомобилиста через сто метров.

А если даже кто-то и затормозит, то его все равно можно

при желании остановить. Хотя бы за ненадетые ремни безопасности, которые многие владельцы автомобилей просто срезали.

Звягинцев всмотрелся и разочарованно откинулся на сиденье. Это была обычная «шестерка». Пыльная, грязная, немного помятая. С водителя такого транспорта даже при желании не вытянуть более двадцати тысяч. А за такие деньги не стоило даже выходить из автомобиля. Звягинцев с завистью посмотрел на спящего Парамонова. «Шестерка» прошла опасную зону, чуть притормозив, и уже затем, подъехав к автомобилю ГАИ, остановилась. Из машины вышел сравнительно молодой человек, лет сорока. Он был одет в потертую кожаную куртку и вельветовые коричневые брюки. Наверно, дачник, решил для себя Звягинцев.

«Дачник» нерешительно осмотрелся и зашагал к машине ГАИ. Тяжело вздохнув, Звягинцев вылез из автомобиля. Неужели у этого типа что-то не в порядке с машиной? Только еще этого сейчас не хватало — возиться с этим типом. Он достал с заднего сиденья свой автомат, привычно повесил его на левое плечо.

— Доброе утро, — улыбнулся «дачник». У него были неприятные, рыбы, какие-то немигающие, холодные глаза.

— Доброе утро, — хмуро ответил Звягинцев, глядя на непрошеного гостя. — Что-нибудь случилось?

Парамонов, услышав голоса, проснулся и теперь, сидя в автомобиле, недовольно таращился на подошедшего незнакомца.

— Кажется, мы сбились с дороги, — сказал, снова улыбаясь, «дачник». — Вы не подскажете, как проехать в Жуковку? — Глаза у него по-прежнему не улыбались. Они, не мигая, смотрели на офицера ГАИ.

— Это совсем в другой стороне, — махнул рукой Звягинцев. За рулем автомобиля сидел молодой парень, наверно, сын или племянник «дачника». Отсюда трудно было разглядеть его лицо.

— Извините, — разочарованно пробормотал «дачник».

И в этот момент на трассе показался еще один автомобиль. Звягинцев почувствовал, что на этот раз он может попробовать его остановить. Это был белый «Мицубиси Галант». Такие машины обычно покупали преуспевающие бизнесмены средней руки и чиновники, сделавшие свои первые приобретения на деньги, вырученные от коррупции. Ни крупные чиновники, ни большие бандиты таких машин не имели.

Парамонов не вылезал из машины, и Звягинцев, оглянувшись на него, почувствовал легкую досаду. Навязали такого напарника, да еще и старшим поставили. Но он внешне ничем не выдал своего раздражения, а, подойдя к дороге, стал следить за приближающимся «Мицубиси». Так и есть. Он прошел опасное место, не затормозив. Номера собственные, обычные. Машина не первой свежести. Все в порядке. Такую вполне можно остановить.

Оставшийся у машины ГАИ «дачник» наклонился, поправляя свои кроссовки. Звягинцев уже не смотрел на него. Все его внимание было направлено на приближающуюся машину. Он отвел автомат, так мешавший ему работать, в сторону. В случае необходимости эта «игрушка» его все равно нормально не защитит. А носить ее приходится по инструкции. Автомат Парамонова сейчас лежит в их автомобиле на заднем сиденье. Звягинцев поднял руку. Водитель «Мицубиси» увидел его и начал тормозить. Кажется, в машине сидят двое или трое. И все молодые ребята. Может, еще и подвыпившие. Звягинцев почувствовал себя увереннее и уже нетерпеливым жестом правой руки резко махнул вниз, давая понять, где именно нужно остановиться.

«Дачник» по-прежнему поправлял свои кроссовки. «Чего он не уезжает, этот ненормальный?» — мелькнула в голове мысль. «Мицубиси» мягко затормозил рядом. Водитель снял темные очки. Спокойно посмотрел на Звягинцева. Слишком спокойно. И это очень не понравилось старшему лейтенанту. Почему он так хладнокровен? «Может, они из органов?» — подумал Звягинцев. — Какая-ни-

будь машина из службы наблюдения милиции или контрразведки?»

Парамонов по-прежнему сидел в автомобиле, ни на что не реагируя. Он лишь видел, как Звягинцев задержал обычную машину, и теперь лениво ждал, когда закончится разговор задержанных с офицером ГАИ.

Звягинцев на всякий случай отдал честь и громким голосом представился:

— Старший лейтенант Звягинцев. Ваши права, пожалуйста.

Теперь все зависело от действий водителя. Если он достанет из кармана красную книжку, придется их отпустить. Если начнет просить прощения за неизвестное нарушение, можно будет оштрафовать. Но почему у этого водителя такие неприятные холодные глаза?

Произошло непонятное. Водитель достал из кармана свои права и протянул их Звягинцеву. Старший лейтенант, несколько смутившись, взял документы. Все произошло совсем не по тому сценарию, как он для себя наметил. Придется посмотреть эти документы и выяснить, в чем тут дело.

А «дачник» по-прежнему возился со своими кроссовками.

— Вы нарушили правила дорожного движения, — напряженным голосом сообщил Звягинцев, — не затормозили вон у того поворота. Вам это известно?

— Да, — подтвердил хладнокровный водитель с неприятными серыми, очень спокойными глазами. Сидевшие сзади двое молодых людей молча смотрели на старшего лейтенанта. «Почему ни один из них не сидит рядом, — мелькнула неприятная мысль. — Или он просто их водитель?»

— Я должен выписать квитанцию о штрафе, — еще более нерешительно сказал Звягинцев. Для себя он уже решил, что нужно действовать только по закону. Может, они из охраны Президента или из еще какой-нибудь неприятной организации.